

© Перевод постановления был предоставлен «Правовой инициативой по России» (www.srji.org).
Перевод уже был опубликован в 2011 году на сайте этой организации
(<http://www.srji.org/resources/search/160/>). Разрешение на публикацию перевода было дано
исключительно для его включения в базу HUDOC Европейского Суда.

© This document was provided by the Stichting Russian Justice Initiative (www.srji.org/en/). This translation
was published in 2011 on the website of SRJI. Permission to re-publish this translation has been granted for
the sole purpose of its inclusion in the Court's database HUDOC.

ПЕРВАЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО «МУРТАЗОВЫ ПРОТИВ РОССИИ»

(Жалоба №11564/07)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

СТРАСБУРГ

29 марта 2011 года

ВСТУПИЛО В СИЛУ
15 сентября 2011 года

Текст может быть дополнительно отредактирован.

В деле «Муртазовы против России»,
Европейский суд по правам человека (Первая секция), Палатой в следующем составе:

Нина Вайич, *Президент*,
Анатолий Ковлер,
Пир Лорензен,
Ханлар Хаджиев,
Георгиу Николаи,
Мариана Лазарова Трайковска,
Джулиа Лафранке, *судьи*,
и Серен Нильсен, *Секретарь Секции*

Заседая 8 марта 2011 года за закрытыми дверями,
Вынес следующее постановление, принятое в последний вышеупомянутый день:

ПРОЦЕДУРА

1. Настоящее дело было инициировано жалобой (№11564/07) против Российской Федерации, поданной в Суд в соответствии со Статьей 34 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод («Конвенция») шестью гражданами Российской Федерации, перечисленными далее («заявители») 2 марта 2007 года.

2. Заявителей в Европейском Суде представляли юристы «Правовой инициативы по России» (далее - "SRJI"), неправительственной организации с главным офисом в Нидерландах и представительством в России. Правительство Российской Федерации (далее - "Правительство") представлял г-н Г. Матюшкин, Представитель Российской Федерации в Европейском суде по правам человека.

3. 14 апреля 2009 года Президент Первой Секции принял решение в соответствии с Правилom 41 Регламента Суда о разбирательстве данной жалобы в приоритетном порядке, о чем было уведомлено Правительство Российской Федерации. Также Суд постановил рассмотреть жалобу по существу одновременно с рассмотрением вопроса о ее приемлемости (Статья 29 §1).

4. Правительство возразило против объединения рассмотрения существа дела одновременно с вопросом о приемлемости. Рассмотрев возражение Правительства, Суд отклонил его.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

5. Заявители:

- 1) Ваха Муртазов, 1955 года рождения;
- 2) Кумсет Муртазова, 1958 года рождения;

- 3) Алихан Муртазов, 1990 года рождения;
- 4) Джанхар Муртазов, 1995 года рождения;
- 5) Аслан Муртазов, 1981 года рождения; и
- 6) Адам Муртазов, 1980 года рождения.

6. Заявители живут в станице Наурская, Наурского района, Чеченская Республика.

7. Первый заявитель – брат Аюба Муртазова, 1952 года рождения. Вторая заявительница – жена Аюба Муртазова, они являются родителями третьего, четвертого, пятого и шестого заявителей.

А. Предыстория произошедших событий, представленная заявителями

8. До 2000 года Аюб Муртазов был главой администрации станицы Наурской. В 2001 году он подал в суд жалобу на бывшего работодателя в связи с задолженностью по заработной плате.

9. Около 3 часов ночи 18 октября 2001 года пятнадцать или двадцать вооруженных людей пришли к дому Аюба Муртазова. Большинство из них были в масках. Они назвали себя сотрудниками Федеральной службы безопасности ("ФСБ"). Также были два человека без масок, которых сотрудники ФСБ назвали понятыми. В дыхании военнослужащих ФСБ чувствовался запах алкоголя. Пять или шесть человек положили Аюба Муртазова на пол и стали его избивать. В это время другие спрятали в доме пакет, который позже якобы был "обнаружен" в ходе обыска. Пакет был наполнен веществом, похожим на мыло. Сотрудники ФСБ сказали, что это было взрывчатое вещество. Они обыскали дом и двор и ушли, забрав Аюба Муртазова с собой.

10. Позднее в тот же день военнослужащие ФСБ передали Аюба Муртазова в отделении милиции. Он находился в изоляторе временного содержания Наурского РОВД. В милиции было возбуждено уголовное дело по факту обнаружения взрывчатых веществ. В какой-то момент Аюб Муртазов был освобожден под подписку о невыезде. Позднее это уголовное дело было прекращено.

В. Похищение Аюба Муртазова

1. Позиция заявителей

11. Примерно в 3 часа 30 минут ночью 19 ноября 2002 года около двадцати человек в масках, одетых в грязную камуфляжную форму и вооруженных автоматами, ворвались в дом Аюба Муртазова. Они говорили на русском языке без акцента. Вторая заявительница решила, что они были военнослужащими федеральных сил. Она также заметила, что они были или пьяны или находились под действием наркотиков.

12. Военнослужащие не показали удостоверения. Они заставили вторую заявительницу лечь на пол и вошли в комнату Аюба Муртазова. Когда он попросил их объяснить свои действия, то военнослужащие стали ругаться на русском языке. Одни обыскали дом, пока другие увели вторую

заявительницу и ее двух несовершеннолетних сыновей в комнату, где связали их липкой лентой и закрыли.

13. Военнослужащие ушли из дома и забрали с собой Аюба Муртазова. Вторая заявительница не слышала шума каких-либо транспортных средств. Позже ей сообщили соседи, что видели в станице несколько бронетранспортеров в эту ночь

2. Позиция Правительства

14. Правительство утверждало, что преждевременно делать какие-либо выводы о похищении до того, как будет завершено расследование по делу №67061. Кроме того, оно утверждало, что версия событий, как она представлена заявителями, в основном не противоречит информации, собранной в ходе расследования.

В. Расследование похищения Аюба Муртазова

15. Несмотря на специальный запрос Суда, Правительство не раскрыло большую часть материалов уголовного дела №67061. Оно также не представило никакой своей версии произошедшего и раскрыло только "основные материалы дела", некоторые из которых едва прочитывались. Описание хода расследования, как оно представлено далее, основано на этих материалах и информации, представленной заявителями.

16. 21 ноября 2002 года вторая заявительница подала официальную жалобу о похищении ее мужа в районную прокуратуру.

17. 2 декабря 2002 года прокуратура Наурского района ("районная прокуратура") возбудила расследование по факту исчезновения Аюба Муртазова в соответствии со статьей 126 ч. 2 Уголовного кодекса России (похищение человека при отягчающих обстоятельствах). Уголовному делу был присвоен номер 67061.

18. 10 декабря 2002 года вторая заявительница была допрошена в качестве свидетеля; 18 декабря 2002 года она была признана потерпевшей.

19. 10 декабря 2002 года из Наурского РОВД сообщили в районную прокуратуру о том, что они не проводили спецоперации в Наурском районе 19 ноября 2002 года.

20. 20 декабря 2002 года, а также 4 и 16 января 2003 года районная прокуратура допросила трех жителей станицы Наурская, которые показали, что они слышали о похищении Аюба Муртазова и знали никаких подробностей.

21. 24 декабря 2002 года из Управления ФСБ по Наурскому району сообщили в районную прокуратуру, что они не проводили никакие специальные операции в станице Наурской 19 ноября 2002 года и что они не располагают информацией о похищении Аюба Муртазова.

22. В неустановленный день первый заявитель пожаловался на похищение своего Специальному представителю Президента России по правам человека в Чеченской Республике. Жалоба была перенаправлена в прокуратуру Чеченской Республики. 22 января 2003 года из прокуратуры Чеченской Республики направили эту жалобу первого заявителя в районную

прокуратуру.

23. 27 января 2003 года районная прокуратура уведомила Специального представителя Президента России по правам человека в Чеченской Республике и второго заявителя, что расследование похищения Аюба Муртазова неизвестными вооруженными лицами было возбуждено 2 декабря 2002 года и находится в процессе производства.

24. В феврале 2003 года районная прокуратура допросила в качестве свидетелей других жителей станицы Наурская, но все они лишь заявили, что они не располагают информацией по этому делу.

25. 2 апреля 2003 года районная прокуратура приостановила расследование по делу №67061 в связи с неустановлением виновных.

26. 11 июня 2003 года первый заявитель пожаловался на похищение брата в военную прокуратуру Объединенной группировки войск (сил) ("прокуратура ОГВ(с)).

27. 17 июня 2003 года из прокуратуры ОГВ(с) направили жалобу первого заявителя в адрес военной прокуратуры войсковой части №20111 ("военная прокуратура").

28. 21 июня 2003 года из военной прокуратуры сообщили первому заявителю, что они не располагают информацией о местонахождении Аюба Муртазова или о причастности сотрудников федеральных войск к его похищению.

29. 23 июня 2003 года районная прокуратура уведомила первого заявителя, что 2 апреля 2003 года расследование по делу №67061 было приостановлено в связи с неустановлением виновных.

30. 29 мая 2004 года из Управления ФСБ по Чеченской Республике проинформировали первого заявителя, что не располагают информацией о местонахождении Аюба Муртазова и принимают меры к его розыску.

31. 4 августа 2004 года из прокуратуры Чеченской Республики направили жалобу первого заявителя в районную прокуратуру и поручили им принять более активные следственные действия.

32. 11 августа 2004 года районная прокуратура отменила постановление от 2 апреля 2003 года как необоснованное и возобновила расследование по делу №.67061. Об этом решении был уведомлен первый заявитель.

33. 12 августа 2004 года районная прокуратура допросила г-жу А., соседку заявителей, в качестве свидетеля. Она показала, что 19 ноября 2002 года она видела, как пять или шесть человек в масках и камуфляжной форме, вооруженных автоматами, вбежали в ее двор. Они затем вошли в дом и обыскали его. Они не объяснили г-же А. причины своих действий. В какой-то момент их командир сказал, что г-жа А. не должна идти к ее соседям, так как их дом заминирован. Позже она узнала, что Аюба Муртазова увезли.

34. В 2004 году районная прокуратура направила запросы о представлении информации об Аюбе Муртазове в различные прокуратуры и отделения милиции соседних районов. В ответ на эти запросы из разных правоохранительных структур пришли уведомления, что они не арестовывали Аюба Муртазова и не имеют никакой информации о его

местонахождении.

35. 11 сентября 2004 года районная прокуратура приостановила расследование дела №67061.

36. 11 июля 2005 года районная прокуратура в ответ на жалобу первого заявителя сообщила ему, что расследование по делу №67061 было приостановлено в связи с неустановлением виновных; дата принятия этого решения не называлась.

37. 18 апреля 2006 года районная прокуратура отменила постановление от 11 сентября 2004 года в связи с тем, что расследование было проведено не полностью, и производство по делу было возобновлено. Прокуратура уведомила об этом первого заявителя.

38. 26 апреля 2006 года первый заявитель был признан потерпевшим.

39. 18 мая 2006 года районная прокуратура снова приостановила расследование по делу №67061.

40. 8 сентября 2006 года следствие было возобновлено в связи с тем, что оно не было завершено; 11 октября 2006 года расследование было снова приостановлено.

41. 11 января 2007 года производство по делу №67061 было возобновлено.

42. 20 января 2007 года вторая заявительница была допрошена.

43. 23 января 2007 года районная прокуратура направила в РОВД Наурского района запрос о представлении личных данных военнослужащих, которые дежурили на четырех контрольно-пропускных пунктах (упоминаются их кодовые названия) в ночь с 18 и 19 ноября 2002 года.

44. 24 января 2007 года из РОВД Наурского района сообщили в районную прокуратуру, что они не хранят регистрационные журналы с записями автомобилей, проходивших через контрольно-пропускные пункты Наурского района.

45. 14 февраля 2007 года районная прокуратура допросила по делу №67061 г-на С., жителя села станицы Микенская, Наурского района. Он утверждал, что в ночь с 18 на 19 ноября 2002 года его соседа г-на О. забрали из собственного дома и увезли неизвестные вооруженные люди в камуфляжной форме. Эти люди приехали на автомобиле «УАЗ» серого цвета и автомобиле «Нива».

46. 15 февраля 2007 года следствие по делу №67061 было вновь приостановлено.

47. 23 августа 2007 года расследование было возобновлено. В тот же день районная прокуратура направила запросы о предоставлении информации об Аюбе Муртазове в РОВД различных районов Чечни. 24 августа 2007 года аналогичные просьбы были направлены в прокуратуры различных районов. Никакой существенной информации на эти запросы получено не было.

48. 6 сентября 2007 года расследование было передано в Следственное управление Следственного комитета Прокуратуры РФ по Наурскому району ("следственное управление").

49. 23 сентября 2007 года расследование было приостановлено.

50. 3 марта 2008 года следственное управление отменило

постановление от 23 сентября 2007 года как необоснованное и возобновило расследование.

51. В марте 2008 года запросы о предоставлении информации, касающейся похищения Аюба Муртазова, были направлены в различные отделы милиции и управления ФСБ.

52. 8 марта 2008 года расследование было приостановлено.

53. 4 июня 2009 года заявители были проинформированы, что расследование было возобновлено.

54. 30 августа 2009 года заявители были уведомлены, что расследование было приостановлено.

55. Согласно Правительству, расследование находится на стадии производства.

II. ПРИМЕНИМОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

56. Смотрите обобщенное изложение соответствующих документов в постановлении по делу *Akhmadova and Sadulayeva v. Russia* (№. 40464/02, § 67-69, 10 мая 2007).

ПРАВО

I. ВОЗРАЖЕНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА ОТНОСИТЕЛЬНО НЕИСЧЕРПАНИЯ ВНУТРЕННИХ СРЕДСТВ ЗАЩИТЫ

A. Доводы сторон

57. Правительство утверждало, что заявители не исчерпали внутригосударственные средства правовой защиты, так как расследование по факту исчезновения Аюба Муртазова еще не закончено. Кроме того, оно утверждало, что первый и второй заявители, как потерпевшие по делу, а также другие заявители могли пожаловаться в суд, оспаривая действия или бездействие следственных органов. Также Правительство утверждало, что заявители могли требовать компенсации причиненного вреда посредством гражданского судопроизводства.

58. Заявители оспорили это возражение и утверждали, что названные Правительством средства защиты были неэффективными.

B. Оценка Суда

59. Суду предстоит оценить приведенные сторонами аргументы в свете положений Конвенции и имеющейся судебной практики (см. *Estamirov and Others v. Russia*, № 60272/00, §§ 73-74, 12 октября 2006).

60. Суд отмечает, что в российской правовой системе у жертвы неправомерных и противозаконных действий государства и его представителей в принципе имеются два пути восстановления нарушенных прав, а именно гражданское и уголовное судопроизводство.

61. Что касается гражданского иска о возмещении ущерба,

нанесенного незаконными действиями или противоправным поведением представителей государства, Суд уже постановил в ряде аналогичных случаев, что такой иск не является решением вопроса об эффективных средствах правовой защиты в контексте жалобы на нарушение Статьи 2 Конвенции (см. *Khashiyev and Akayeva v. Russia*, №57942/00 и 57945/00, §§ 119-121, 24 февраля 2005). В свете вышесказанного Суд подтверждает, что заявители не были обязаны подавать гражданский иск. Возражение Правительства в связи с этим отклоняется.

62. В отношении уголовного судопроизводства, предусмотренного российским законодательством, Суд отмечает, что заявители подали жалобу по факту похищения Аюба Муртазова в соответствующие правоохранительные органы и что расследование находилось на стадии рассмотрения с 2 декабря 2002 года. Заявители и Правительство оспаривают вопрос эффективности уголовного расследования по факту похищения.

63. Суд считает, что предварительное возражение Правительства поднимает вопросы, касающиеся эффективности расследования, которые тесно связаны с существом жалобы заявительницы. Таким образом, он решает объединить рассмотрение этого возражения с оценкой дела по существу дела и считает, что проблема должна быть рассмотрена далее.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 2 КОНВЕНЦИИ

64. Заявители жаловались по Статье 2 Конвенции, что их родственник был лишен жизни военнослужащими и что государственные органы не провели эффективного расследования в связи с этим. Статья 2 гласит:

“1. Право каждого лица на жизнь охраняется законом. Никто не может быть умышленно лишен жизни иначе как во исполнение смертного приговора, вынесенного судом за совершение преступления, в отношении которого законом предусмотрено такое наказание.

2. Лишение жизни не рассматривается как нарушение настоящей статьи, когда оно является результатом абсолютно необходимого применения силы:

- (a) для защиты любого лица от противоправного насилия;
- (b) для осуществления законного задержания или предотвращения побега лица, заключенного под стражу на законных основаниях;
- (c) для подавления, в соответствии с законом, бунта или мятежа”.

А. Доводы сторон

1. Правительство

65. Правительство утверждало, что внутренними органами следствия не получено данных о причастности сотрудников Государства к похищению Аюба Муртазова

66. Правительство заявило, что нет доказательств смерти родственника заявителей. Утверждения заявителей, что он был похищен военнослужащими, необоснованны. Тот факт, что похитители носили камуфляжную форму и были вооружены, не подтверждает, что они были

военнослужащими, так как камуфляжная форма находилась в открытой продаже на всей территории России, а оружие могло быть украдено или получено незаконным путем. Свидетели похищения не указывали на то, что у вооруженных людей были какие-либо военные знаки отличия. Автомобили УАЗ могли использоваться как гражданскими, так и официальными лицами. Следствием по делу не установлено, использовали ли похитители для передвижений бронетехнику.

67. Кроме того, Правительство утверждало, что расследование по факту похищения Аюба Муртазова проводилось в соответствии с требованиями Конвенции в части его эффективности. Уголовное дело было возбуждено через девять дней после обращения второй заявительницы в прокуратуру, что соответствует регламенту, предусмотренному законодательством. Несколько свидетелей были допрошены, место происшествия было осмотрено и предпринимались попытки установить местонахождение Аюба Муртазова. Тот факт, что заявители не получали подробную информацию о ходе расследования, не означает неэффективности следствия. Приостановление расследования также не указывает на его неэффективность. Следствием были сделаны многочисленные запросы о представлении информации в различные правоохранительные структуры, и по делу проводятся дальнейшие мероприятия. Правительство подчеркнуло, что эффективность расследования заключается не в результате, а в средствах.

2. Заявители

68. Заявители утверждали, что, вне разумных сомнений, Аюб Муртазов был похищен сотрудниками Государства и должен считаться умершим после его непризнаваемого похищения.

69. Они утверждали, что в конце 2002 года только сотрудники Государства имели право на ношение оружия, камуфляжной формы и использование военной техники в Чеченской Республике. В указанное время станция Наурская находилась под полным контролем федеральных войск. Контрольно-пропускные пункты располагались на въезде в населенный пункт и выезде из него.

70. Заявители также указали, что представили письменные показания трех соседей, утверждавших, что видели две машины БТР в станции Наурской в ночь похищения Аюба Муртазова.

71. Заявители также утверждали, что их родственник должен быть признан погибшим, так как он отсутствует уже несколько лет с момента его похищения при угрожающих жизни обстоятельствах.

72. Что касается расследования похищения Аюба Муртазова, то заявители утверждали, что оно не было эффективным, так как власти не предприняли необходимых следственных действий. В частности, они не допросили соседей, видевших БТРы. Кроме того, заявители не были информированы о ходе расследования.

В. Оценка Суда

1. Приемлемость

73. Суд считает в свете представленных сторонами аргументов, что жалоба затрагивает серьезные вопросы факта и права, подпадающие под действие Конвенции, для решения которых необходимо рассмотрение жалобы по существу. Кроме того, Суд уже отмечал, что возражение Правительства в части предполагаемого неисчерпания внутригосударственных средств защиты следует рассматривать совместно с рассмотрением существа жалобы (см. пункт 63 выше). Поэтому жалоба на нарушение Статьи 2 Конвенции должна быть признана приемлемой.

2. Существо дела

(а) Предполагаемое нарушение права на жизнь Аюба Муртазова

i. Общие принципы

74. Суд повторяет, что в свете важности той защиты, которую гарантирует Статья 2, он должен подвергать все случаи лишения жизни особенно тщательному изучению, учитывая не только действия агентов Государства, но и сопутствующие обстоятельства. Задержанные лица находятся в уязвимом положении, и обязанность властей держать ответ за обращение с задержанным должна исполняться с особой строгостью в случае смерти или исчезновения такого лица (см., помимо прочего, *Orhan v. Turkey*, №. 25656/94, § 326, 18 июня 2002 и другие постановления, на которые в нем дается ссылка). Когда информация об оспариваемых событиях целиком или главным образом относится к исключительному ведению государства, как в случае пребывания задержанного лица под контролем властей, возникают основания для определенных предположений относительно причин телесных повреждений или смерти, наступивших в период содержания под стражей. В таком случае можно считать, что бремя предоставления удовлетворительного и убедительного объяснения должно быть возложено на Государство (см. *Salman v. Turkey* [GC], no. 21986/93, § 100, ECHR 2000-VII, и *Çakıcı v. Turkey* [GC], no. 23657/94, § 85, ECHR 1999-IV).

ii. Установление фактов

75. Суд отмечает, что в его практике выработан ряд основных принципов, применимых в ситуациях, когда он вынужден решать задачу установления фактов, относительно которых между сторонами имеется спор, в частности, когда сталкивается с заявлениями об исчезновениях по Статье 2 Конвенции (см., краткое изложение этих принципов в деле *Bazorkina v. Russia*, no. 69481/01, §§ 103-109, 27 июля 2006). Суд отмечает, что в данном случае должно приниматься во внимание поведение сторон при получении доказательств (см. *Ireland v. the United Kingdom*, 18 января 1978, § 161, Series A no. 25).

76. Суд отмечает, что, несмотря на его запрос предоставить копии

материалов уголовного дела по факту похищения Аюба Муртазова, Правительство не представило большую часть документов. Вместо этого Правительство направило в Суд копии так называемых "основных материалов дела" без объяснения причин нераскрытия остальных документов. Поскольку Правительство не уточнило характер документов и оснований, по которым они не могут быть представлены, Суд считает это недостаточным объяснением для сокрытия ключевой информации, запрашиваемой Судом.

77. С учетом этого и вышеизложенных принципов Суд полагает, что он может сделать выводы из поведения Правительства в пользу убедительности утверждений заявителей.

78. Заявители указали, что люди, похитившие Аюба Муртазова 19 ноября 2002 года, были сотрудниками Государства.

79. Суд указывает на замечание Правительства о том, что в ходе допроса свидетелей следственными органами никто не заявлял о том, что видел бронетехнику в ночь похищения. Тем не менее, он не считает необходимым устанавливать, действительно ли жители видели в ночь похищения военные транспортные средства. По мнению Суда, факт отсутствия доказательств того, что вооруженные люди передвигались на БТР, сам по себе не делает неправдоподобной версию заявителей о том, что эти люди были военными.

80. Как следует из материалов, представленных Правительством, по крайней мере, четыре контрольно-пропускных пункта, на которых дежурили агенты Государства, находились в рассматриваемый период времени в районе станицы Наурской. (см. пункт 43 выше). В самом деле, автомобили типа "УАЗ", которые часто используются государственными структурами и могут быть описаны как "военизированные", вполне вероятно могли быть приобретены гражданскими лицами, однако, они, как правило, экипажи этих транспортных средств привлекают пристальное внимание дежурных на блокпостах, если передвигаются в ночное время.

81. Суд отмечает утверждение Правительства о том, что камуфляжная форма могла быть приобретена в свободной продаже и что оружие могло быть украденным. Однако он считает маловероятным, что боевики, одетые как военнослужащие и вооруженные автоматическим оружием, могли незамеченными проехать через контрольно-пропускные пункты на военизированных автомобилях и выехать из села.

82. По мнению Суда, тот факт, что большая группа вооруженных людей в форме, передвигавшаяся на военных машинах, могла свободно передвигаться по станице Наурской и совершить арест человека в его доме, решительно поддерживает утверждение заявителей о том, что именно сотрудники Государства похитили Аюба Муртазова.

83. Суд отмечает, что когда заявитель делает утверждение *prima facie*, а у Суда нет возможности сделать вывод на основе фактов из-за отсутствия соответствующих документов, на Правительство возлагается обязанность исчерпывающе аргументировать, почему данный документ не может быть предоставлен Суду для проверки утверждений заявителя, либо дать удовлетворительное и убедительное объяснение того, как именно

произошли события, о которых идет речь. Таким образом, бремя доказывания переносится на Правительство, и если оно не представляет достаточных аргументов, то встает вопрос о возможных нарушениях Статьи 2 и/или Статьи 3 (см. *Toğcu v. Turkey*, №27601/95, § 95, 31 мая 2005 г., и *Akkum and Others v. Turkey*, №21894/93, § 211, ЕСПЧ 2005 II).

84. Учитывая вышеназванные элементы, Суд считает установленным, что заявители представили доказательства, достаточные при отсутствии опровержения, что их родственник был задержан представителями государства. Утверждение Правительства о том, что следствием не установлена причастность силовых структур к похищению, является недостаточным и не освобождает Правительство от упомянутого выше бремени доказывания. Исходя из отказа Правительства представить документы, которые были в его исключительном владении, или представить какие-либо другие правдоподобные объяснения по данному вопросу, Суд заключает, что Аюб Муртазов был задержан 19 ноября 2002 года представителями Государства во время проведения непризнаваемой спецоперации.

85. Суд далее отмечает, что никаких новостей о Аюбе Муртазове не было со времени его похищения. Его имя не значилось в списках лиц, находящихся в изоляторах временного содержания. И, наконец, Правительство не дало никаких объяснений, что с ним случилось после ареста.

86. Исходя из целого ряда дел по фактам исчезновений людей в Чечне, которые были рассмотрены ранее (см., например, *Luluyev and Others v. Russia*, №69480/01, ECHR 2006-XIII), Суд находит, что в условиях вооруженного конфликта в Чеченской Республике если кого-то задерживают неустановленные военнослужащие, а затем факт задержания не признается, то это можно рассматривать как угрожающую жизни ситуацию. Отсутствие Аюба Муртазова и каких-либо сведений о нем более семи лет подтверждают данное предположение.

87. Следовательно, Суд находит установленным, что Аюб Муртазов был похищен сотрудниками Государства 19 ноября 2002 года и должен быть признан умершим вследствие этого похищения.

iii. Обязательство Государства по Статье 2

88. Статья 2, гарантирующая право на жизнь и устанавливающая обстоятельства, при которых может быть оправдано лишение жизни, является одним из наиболее фундаментальных положений Конвенции, которое не может быть объектом частичной отмены. В свете важности той защиты, которую гарантирует Статья 2, Суд должен подвергать все случаи лишения жизни особо тщательному рассмотрению, учитывая не только действия агентов Государства, но и сопутствующие обстоятельства (см., помимо прочего, *McCann and Others v. the United Kingdom*, 27 сентября 1995 г., серия А № 324, стр. 45-46, §§ 146-147 и *Avşar v. Turkey*, №. 25657/94, § 391, ЕСПЧ 2001-VII (выдержки)).

89. Судом уже установлено, что родственник заявителей должен считаться умершим после его безвестного задержания представителями

Государства (см. выше пункт 87). В отсутствие какого-либо оправдания применения средств поражающей силы агентами Государства следует сделать вывод, что ответственность за его смерть должна быть возложена на Государство.

90. В связи с этим Суд делает вывод, что в отношении Аюба Муртазова имеет место нарушение Статьи 2 Конвенции.

(b) Предполагаемая неадекватность расследования похищения

91. Суд неоднократно указывал, что обязательство защищать право на жизнь, согласно Статье 2 Конвенции, предусмотренное в связи с общим обязательством государства, согласно Статье 1 Конвенции, «обеспечить всем в пределах своей юрисдикции права и свободы, определенные в Конвенции», требует, в порядке презумпции, проведения эффективного официального расследования в тех случаях, когда люди были убиты в результате применения силы (см. среди прочего, *McCann and Others*, цит. выше, § 161, и *Kaya v. Turkey*, 19 февраля 1998, *Reports* 1998-I, § 86). Существенной целью такого расследования является обеспечение эффективной имплементации национального законодательства, защищающего право на жизнь, и по делам, связанным с участием представителей государства или государственных органов, привлечение их к ответственности за смерти, за которые они должны нести ответственность. Такое расследование должно быть независимым, открытым для доступа семье пострадавшего, выполняться в разумные сроки и с быстротой, эффективным в том смысле, что оно способно принять решение, было ли применение силы в данном случае оправдано или нет при таких обстоятельствах или же оно было незаконным, и предоставлять достаточную часть для открытого рассмотрения следствия или его результатов (см. *Hugh Jordan v. the United Kingdom*, № 24746/94, §§ 105-109, 4 мая 2001; и *Douglas-Williams v. the United Kingdom (решение)*, № 56413/00, 8 января 2002).

92. В данном случае проводилось расследование похищения Аюба Муртазова. Суд должен оценить соответствие этого расследования требованиям Статьи 2 Конвенции.

93. Суд указывает на то, что Правительство отказалось представить все материалы следствия по делу №67061. Поэтому Суд будет оценивать вопрос эффективности расследования по нескольким документам, поданным в Суд сторонами, и той незначительной информации, которая была представлена Правительством.

94. Обе стороны утверждали, что расследование по делу №67061 было возбуждено 2 декабря 2002 года, то есть через две недели после похищения родственника заявителей. Суд отмечает, что Правительство не оспаривало того, что вторая заявительница подала официальную жалобу на похищение ее мужа в первый раз не позднее, чем 21 ноября 2002 года (см. пункт 16 выше). Это означает, что следователи бездействовали в течение одиннадцати дней после похищения человека при угрожающих жизни обстоятельствах, что не могло не сказаться отрицательно на ходе расследования. Более того, к этому времени все журналы регистрации транспортных средств, проходивших через контрольно-пропускные пункты, были уничтожены. Если районная прокуратура района действовала бы с

наименьшим промедлением, допросила бы военнослужащих и изучила бы журналы регистрации вскоре после похищения, то, возможно, получила бы ценных сведения, способные пролить свет на исчезновение Аюба Муртазова. Правительство не дало никаких объяснений этим задержкам.

95. Суд отмечает, что ряд важных следственных мероприятий был проведен со значительной задержкой. Например, такие следственные меры, как попытка установить личность военнослужащих, дежуривших на блокпостах, были в первый раз предприняты 23 января 2007 года, то есть через четыре года после случившегося. Хотя, очевидно, не составило бы труда установить их личности и допросить раньше.

96. По всей видимости, эти следственные меры могли дать значимые результаты, если были бы предприняты немедленно после того, как власти были уведомлены о преступлении, и как только было возбуждено расследование. Задержка с их производством, которой в данном случае нет объяснений, не только демонстрирует нежелание государства действовать по собственной инициативе, но является нарушением обязательства соблюдать максимальную добросовестность и оперативность в борьбе с такими серьезными преступлениями (см. *Öneryıldız v. Turkey* [GC], no. 48939/99, § 94, ECHR 2004-XII).

97. Более того, большинство следственных мер, принятых районной прокуратурой, ограничивались рассылкой запросов в другие государственные органы. Примечательно в связи с этим, что постановление о возобновлении расследования во всех случаях указывает в качестве основания для отмены предыдущего решения о приостановлении дела на неполный характер проведенных следственных мер.

98. Суд также отмечает, что заявители не получали информацию обо всех следственных мероприятиях по делу и, таким образом, следственные органы не обеспечили требуемого уровня общественного контроля над ходом расследования и защиты законных интересов ближайших родственников (см. *Oğur v. Turkey* [GC], №21594/93, § 92, ECHR 1999-III).

99. И, наконец, Суд отмечает, что расследование по делу №67061 приостанавливалось и возобновлялось несколько раз и что были длительные периоды бездействия, когда прокуратура не проводила никаких оперативно-розыскных мероприятий. Более того, никакие следственные действия не проводились в период с 11 сентября 2004 года по 18 апреля 2006 года (см. пункты 35 и 37 выше). Такой способ ведения следствия мог иметь только отрицательное влияние на возможность установления личностей преступников.

100. Что касается возражения Правительства относительно объединения рассмотрения вопроса приемлемости с рассмотрением дела по существу, поскольку он связан с фактом длящегося уголовного расследования, Суд считает, что расследование, которое периодически приостанавливалось и возобновлялось и содержало ряд неоправданных задержек, велось в течение нескольких лет без значимых результатов.

101. Кроме того, Правительство утверждало, что у заявителей имела возможность потребовать судебной проверки постановлений, вынесенных органами предварительного следствия. Суд считает, что из-за потери

времени, прошедшего после инцидента, обжалование некоторых следственных действий, которые должны были осуществиться гораздо раньше, уже не имело никакого смысла. Поэтому Суд сомневается, что указанное средство правовой защиты имело бы какие-нибудь шансы на успех.

102. По мнению Суда, Правительству также не удалось продемонстрировать, каким образом получение первым и вторым заявителями статуса потерпевших в ходе уголовного процесса могло бы положительно повлиять на описанную выше ситуацию.

103. Следовательно, Суд находит, что упомянутые Правительством средства уголовно-правовой защиты были неэффективными при таких обстоятельствах, и отклоняет его предварительное возражение.

104. В свете вышесказанного Суд считает, что властями не было проведено эффективное уголовное расследование обстоятельств исчезновения Аюба Муртазова в нарушение процессуальной части Статьи 2.

III. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ

105. Заявители жаловались, что в результате исчезновения их брата, мужа и отца, а также в связи с отказом властей провести добросовестное расследование этого происшествия они испытали душевные страдания и стресс. Заявители сослались на Статью 3 Конвенции, которая гласит:

“Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному и унижающему достоинство обращению или наказанию”.

А. Доводы сторон

106. Правительство не согласилось с этими жалобами и утверждало, что права заявителей по Статье 3 Конвенции не нарушались.

107. Заявители настаивали в своих жалобах.

В. Оценка Суда

1. Приемлемость

108. Суд отмечает, что эта жалоба на нарушение Статьи 3 Конвенции не представляется явно необоснованной в значении Статьи 35 § 3 Конвенции. Суд далее отмечает, что жалоба не является неприемлемой по каким-либо другим основаниям. Поэтому ее следует считать приемлемой.

2. Существо дела

109. Суд отмечает, что вопрос о том, является ли член семьи "исчезнувшего лица" жертвой обращения, нарушающего Статью 3, зависит от наличия особых факторов, придающих страданиям заявителя особый аспект и характер, отличные от эмоционального стресса, который можно считать неизбежным у родственников жертвы серьезного нарушения прав человека. Имеют значение такие элементы, как близость родственников

связей, конкретные обстоятельства семейных отношений, то, в какой степени член семьи был свидетелем случившегося, активное участие члена семьи в попытках получить информацию об исчезнувшем лице и то, как реагировали власти на запросы информации об исчезнувшем лице. Кроме того, Суд подчеркивает, что суть подобных нарушений заключается не столько в самом факте "исчезновения" члена семьи, но в большей степени в том, какова реакция и позиция властей в момент, когда данная ситуация доводится до их сведения. Именно в силу этого последнего обстоятельства родственник может утверждать, что является непосредственной жертвой действий властей (см. *Orhan v. Turkey*, № 25656/94, § 358, 18 июня 2002 г.; *Imakayeva*, цит. выше, § 164).

110. В настоящем деле Суд указывает на то, что первый заявитель приходится братом пропавшему лицу, вторая заявительница – его жена и четверо других заявителей – его сыновья. Это означает, что жена Аюба Муртазова и его дети являются его ближайшими родственниками так же, как и его брат. Кроме того, первый заявитель принимал непосредственное участие в розысках Аюба Муртазова. Таким образом, Суд не считает необходимым различать в данном деле какого-либо из членов семьи, которые не могли бы быть признаны жертвами нарушений по Статье 3 (см. *Luluyev and Others*, цит. выше, §§ 112-13).

111. Суд отмечает, что около восьми лет у заявителей не было известий о члене их семьи. За эти годы они обращались в различные инстанции как лично, так и с письменными заявлениями о помощи в розысках Аюба Муртазова. Несмотря на предпринятые усилия, заявители так и не получили никакого приемлемого объяснения или информации о том, что случилось с ним после ареста. В полученных ответах по большей части отрицалась ответственность Государства за задержание или просто сообщалось, что следствие по делу продолжается. Непосредственное отношение к вышесказанному имеют выводы Суда относительно процессуальной части Статьи 2.

112. В свете вышеизложенного Суд считает, что заявители испытывали и продолжают испытывать эмоциональный стресс и моральные страдания в результате исчезновения родственника и неспособности выяснить, что с ним произошло. То, как власти реагируют на их жалобы, следует считать равносильным бесчеловечному обращению, нарушающему Статью 3.

113. Из этого Суд делает вывод, что имеет место нарушение Статьи 3 Конвенции в отношении заявителей.

IV. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

114. Заявители также утверждали, что Аюб Муртазов был задержан в нарушение гарантий по Статье 5 Конвенции, которая в соответствующих частях гласит:

“1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом:...

(с) законное задержание или заключение под стражу лица, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения или в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения;

...

2. Каждому арестованному незамедлительно сообщаются на понятном ему языке причины его ареста и любое предъявляемое ему обвинение.

3. Каждый задержанный или заключенный под стражу в соответствии с подпунктом (с) пункта 1 настоящей статьи незамедлительно доставляется к судье или к иному должностному лицу, наделенному, согласно закону, судебной властью, и имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда. Освобождение может быть обусловлено предоставлением гарантий явки в суд.

4. Каждый, кто лишен свободы в результате ареста или заключения под стражу, имеет право на безотлагательное рассмотрение судом правомерности его заключения под стражу и на освобождение, если его заключение под стражу признано судом незаконным.

5. Каждый, кто стал жертвой ареста или заключения под стражу в нарушение положений настоящей статьи, имеет право на компенсацию”.

А. Доводы сторон

115. По мнению Правительства, у следствия нет данных, подтверждающих, что Аюб Муртазов был лишен свободы.

116. Заявители поддержали свою жалобу.

В. Оценка Суда

1. Приемлемость

117. Суд отмечает, что настоящая жалоба не представляется явно необоснованной в значении Статьи 35 § 3 Конвенции. Далее Суд отмечает, что жалоба не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям, а потому должна быть признана приемлемой.

2. Существо дела

118. Суд ранее уже указывал на фундаментальную важность гарантий Статьи 5 для обеспечения права любого лица в демократическом государстве не подвергаться произвольному задержанию. Также Суд отмечал, что неизвестное задержание лица является полным отрицанием названных гарантий и серьезнейшим нарушением Статьи 5 (см. *Çiçek v. Turkey*, № 25704/94, п. 164, от 27 февраля 2001, и *Luluyev*, цит. выше, п. 122).

119. Судом установлено, что Аюб Муртазов был задержан представителями Государства 19 ноября 2002 года и после этого исчез. Его задержание не было санкционировано, не было зафиксировано в записях каких-либо изоляторов временного содержания, а, следовательно, невозможно официально проследить его дальнейшую судьбу или местонахождение. В соответствии с практикой Суда сам по себе этот факт должен рассматриваться как серьезное упущение, поскольку позволяет

ответственным за акт лишения свободы скрыть свою причастность к преступлению, замести следы и уйти от ответа за судьбу задержанного. Кроме того, отсутствие записей о задержании с указанием даты, времени и места задержания, фамилии задержанного, а также причин задержания и фамилии лица, производившего задержание, следует считать несовместимым с самой целью Статьи 5 Конвенции (см. *Orhan*, цит. выше, § 371).

120. В свете вышесказанного Суд считает, что Аюб Муртазов был подвергнут неизвестному задержанию без каких бы то ни было гарантий по Статье 5. Это является особенно серьезным нарушением права на свободу и безопасность, гарантированного Статьей 5 Конвенции.

V. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 13 КОНВЕНЦИИ

121. Заявители жаловались, что они были лишены эффективных средств защиты в отношении вышеупомянутых нарушений Статей 2 и 3 Конвенции, что противоречит Статье 13 Конвенции, которая гласит:

"Каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве".

A. Доводы сторон

122. Правительство утверждало, что в распоряжении заявителей имелись эффективные средства правовой защиты, как этого требует Статья 13 Конвенции, и что власти не препятствовали их праву воспользоваться такими средствами. Заявители имели возможность обжаловать действия или бездействия следственных органов в суде. В целом Правительство утверждало, что не было нарушения Статьи 13.

123. Заявители повторили свои жалобы.

B. Оценка суда

1. Приемлемость

124. Суд отмечает, что настоящая жалоба не представляется явно необоснованной в значении Статьи 35 § 3 Конвенции. Суд далее отмечает, что жалоба не является неприемлемой по каким-либо другим основаниям. Поэтому ее следует считать приемлемой.

2. Существо дела

125. Суд повторяет, что в подобных обстоятельствах если уголовное расследование по факту исчезновения было неэффективным, то это делает неэффективными все другие средства защиты, в том числе гражданско-правовые средства, предложенные Правительством. Следовательно, имеет место несоблюдение Государством обязательства по Статье 13 Конвенции (см. *Khashiyev and Akayeva*, №57942/00 и №57945/00, § 183, 24 февраля

2005).

126. Следовательно, имеет место нарушение Статьи 13 Конвенции в связи со Статьей 2 Конвенции.

127. В отношении жалоб заявителей по Статье 5 Конвенции Суд полагает, что в обстоятельствах данного дела никакая отдельная проблема не подлежит рассмотрению в отношении Статьи 13 в связи со Статьей 5 Конвенции (см. *Kukayev v. Russia*, №29361/02, § 119, 15 ноября 2007, и *Aziyevy v. Russia*, №77626/01, § 118, 20 марта 2008).

VII. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

128. Статья 41 Конвенции устанавливает:

"Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне".

A. Компенсация материального ущерба

129. Второй, третий и четвертый заявители требовали возмещения материального ущерба в отношении потери заработков Аюба Муртазова после задержания и исчезновения. Они утверждали, что не могли предоставить документы относительно заработной платы Аюба Муртазова на момент похищения и что в данном случае расчет утраченного заработка должен быть сделан на основе прожиточного минимума, устанавливаемого национальным законодательством. Расчеты заявителей были выполнены в соответствии с положениями Гражданского Кодекса и таблицами расчета страховых компенсаций при получении телесных повреждений и при несчастных случаях со смертельным исходом, изданных Правительственным Отделом Страховых Расчетов Великобритании в 2008 году ("Огденские таблицы"). Вторая заявительница потребовала в общей сложности 138,869.35 российских рублей (приблизительно 3,215 евро), третий заявитель потребовал 22,614.27 российских рублей (приблизительно 523 евро) и четвертый заявитель потребовал 46,289.78 рублей (приблизительно 1,070 евро).

130. Правительство посчитало, что вопрос компенсации по потере кормильца должен был быть решен на национальном уровне, и утверждало, что заявители не обосновали свои требования.

131. Суд повторяет, что между требуемой заявителями компенсацией и нарушением Конвенции должна существовать четкая причинно-следственная связь и что в соответствующих случаях может быть запрошена компенсация за потерю заработков. Принимая во внимания выводы, сделанные выше, Суд считает, что существует прямая причинно-следственная связь между нарушением Статьи 2 Конвенции в отношении мужа второй заявительницы и отца третьего и четвертого заявителей и потерей финансовой поддержки, которую он мог бы им обеспечить.

132. Принимая во внимания доводы заявителей и тот факт, что Аюб

Муртазов не имел работы на момент задержания, Суд считает разумным присудить 3,000 евро второй заявительнице, 500 евро третьему заявителю и 1,000 евро четвертому заявителю в качестве компенсации материального вреда плюс любой налог, подлежащий уплате с этой суммы.

В. Компенсация морального ущерба

133. Заявители в части морального вреда потребовали компенсацию 300,000 евро вместе за страдания, которым они подверглись в результате потери члена их семьи, а также безразличия, проявленного властями по отношению к ним, и непредставления им никакой информации о судьбе близкого родственника.

134. Правительство посчитало требуемую сумму чрезмерной.

135. Суд признал нарушение Статей 2, 5 и 13 Конвенции в связи с непризнаваемым задержанием и исчезновением родственника заявителей. Заявители были признаны жертвами нарушения Статьи 3 Конвенции в связи с душевными страданиями из-за исчезновения члена их семьи и отношением властей к данному факту. Поэтому Суд признает, что заявителям был причинен моральный ущерб, который не может быть компенсирован одним лишь фактом признания нарушений прав. Суд присуждает второй заявительнице 40,000 евро в качестве компенсации морального ущерба плюс любые налоги, подлежащие уплате с этой суммы, и также присуждает по 4,000 евро первому, третьему, четвертому, пятому и шестому заявителям каждому плюс любые налоги, подлежащие уплате с этой суммы.

С. Издержки и расходы

136. Заявители в Суде представляла организация «Правовая инициатива по России». Сотрудники этой организации представили перечень понесенных издержек и расходов, включая исследования и интервью в Москве и Ингушетии, составлявшие 50 евро/час. Подготовка юридических документов для представления в Европейский Суд и в местные органы власти составляла 50 евро/час для юристов «Правовой Инициативы» и 150 евро/час для руководящих сотрудников «Правовой Инициативы» а также административные расходы, расходы на перевод документов и услуги курьерской почты. Общая сумма расходов, связанных с представлением юридических интересов заявителей, составила 6,149.98 евро, которые надлежит перечислить на счет представителей в Нидерландах.

137. Правительство указало на то, что оно имеет право возместить только те издержки и расходы, которые действительно были понесены заявителями и являлись разумными в отношении их суммы (см. *Skorobogatova v. Russia*, №33914/02, § 61, 1 декабря 2005).

138. Суду, во-первых, предстоит установить, действительно ли имели место расходы и издержки, указанные заявителями, и, во-вторых, являлись ли они необходимыми (см. *McCann and Others v. the United Kingdom*, цит. выше, §220).

139. Принимая во внимание представленные сведения и соглашения

об оказании юридических услуг, Суд считает эти ставки разумными и отражающими фактические расходы, понесенные представителями заявителей.

140. Что касается того, действительно ли расходы и издержки, понесенные в связи с ведением дела в Суде, были необходимы, то Суд отмечает, что данное дело было относительно сложным и требовало определенной исследовательской и подготовительной работы. В то же время Суд отмечает, что по делу было немного документальных доказательств, так как Правительство отказалось раскрыть большую часть материалов уголовного дела. Таким образом, Суд сомневается, что дело потребовало так много подготовки, как утверждают представители заявителей.

141. Учитывая детализацию требований, поданных заявителями, и справедливость оснований, Суд присуждает им 4,000 евро за ведение дела плюс налоги и сборы, если они начисляются на данную сумму, которые подлежат уплате на счет банка представителей в Нидерландах, указанный заявителями.

D. Выплата процентов

142. Суд считает, что сумма процентов должна рассчитываться на основе предельной процентной ставки Европейского центрального банка, к которой следует добавить три процентных пункта.

ПО ЭТИМ ПРИЧИНАМ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Постановляет* объединить возражения Правительства относительно неисчерпания уголовных средств защиты с рассмотрением дела по существу и отклоняет их;

2. *Объявляет* жалобу приемлемой;

3. *Постановляет*, что имеет место нарушение Статьи 2 Конвенции в отношении Аюба Муртазова;

4. *Постановляет*, что имеет место нарушение Статьи 2 Конвенции в части не проведения эффективного расследования обстоятельств, при которых исчез Аюб Муртазов;

5. *Постановляет*, что имеет место нарушение Статьи 3 Конвенции в отношении душевных страданий заявителей;

6. *Постановляет*, что имеет место нарушение Статьи 5 Конвенции в отношении Аюба Муртазова;

7. *Постановляет*, что имеет место нарушение Статьи 13 Конвенции в части предполагаемых нарушений Статьи 2 Конвенции;

8. *Постановляет*, что нет оснований поднимать отдельный вопрос по Статье 13 Конвенции в отношении заявленных нарушений по Статье 5 Конвенции;

9. *Постановляет*

(а) что Государство-ответчик должно в трехмесячный срок, начиная с даты, на которую решение Суда станет окончательным в соответствии со Статьей 44 § 2 Конвенции, выплатить следующие суммы:

- i. 3,000 (три тысячи евро) второй заявительнице, 500 (пятьсот евро) третьему заявителю, 1,000 (тысячу евро) четвертому заявителю плюс любые налоги, в качестве компенсации материального ущерба, подлежащие уплате с этой суммы, конвертируемые в российские рубли по курсу на дату выплаты;
- ii. 40,000 (сорок тысяч) евро второй заявительнице и по 4,000 евро первому, третьему, четвертому, пятому и шестому заявителям каждому плюс любые налоги, в качестве компенсации морального ущерба, подлежащие уплате с этой суммы, конвертируемые в российские рубли по курсу на дату выплаты;
- iii. 4,000 (четыре тысячи) евро в счет возмещения издержек и расходов, подлежащие уплате на счет банка представителей в Нидерландах, плюс любые налоги, которые могут подлежать уплате заявителями;

(b) что со дня истечения вышеуказанных трех месяцев до даты оплаты на означенные суммы будут начисляться простые проценты в размере предельной процентной ставки Европейского центрального банка на период неуплаты плюс три процентных пункта;

10. *Отклоняет* другие требования заявителей относительно справедливой компенсации.

Совершено на английском языке с направлением письменного уведомления 29 марта 2011 года в соответствии с Правилom 77 §§ 2 и 3 Регламента Суда.

Серен Нильсен, Секретарь Секции
Нина Вайич, Президент